

18+ НИКОЛАЙ ЯКОВЛЕВИЧ
НАДЕЖДИН

Фёдор Шаляпин. Бас и... всё остальное

МАЛЕНЬКИЕ РАССКАЗЫ
О БОЛЬШОМ УСПЕХЕ

Николай Яковлевич Надеждин Фёдор Шаляпин. Бас и... всё остальное. Маленькие рассказы о большом успехе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71039557

ISBN 9785006449107

Аннотация

Фёдор Шаляпин – его голос мы знаем и помним. Из любого сочетания голосов мы моментально выделяем его густой бас. И ни с кем его не перепутаем, поскольку у этого голоса было уникальное звучание (так звучит действительно большой человек, который пытается петь и у него это безусловно получается). Но история Шаляпина – это история человека из народа, который прошёл весь путь до универсального артиста.

Содержание

Федор	6
Бас и... всё остальное	7
2024	8
Введение	9
1. Голос Шаляпина	11
2. Универсальный талант	13
3. Жить по-шаляпински	15
4. Гурман и сибарит	17
5. Щедрая душа	19
6. Начало пути	21
7. Приходская школа	23
8. Первые уроки музыки	25
9. Архиерейский хор	27
10. Рождение голоса	29
11. Статист	31
12. Первая сцена	33
13. Семёнов-Самарский	35
14. В Уфе	37
15. Молодой солист	39
16. Гастроли	41
17. Тифлис	43
18. На грани отчаяния	45
19. Конторский служащий	47

20. Маша Шульц	49
21. Усатов	51
22. Учитель	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

**Фёдор Шаляпин. Бас
и... всё остальное
Маленькие рассказы
о большом успехе**

**Николай Яковлевич
Надеждин**

© Николай Яковлевич Надеждин, 2024

ISBN 978-5-0064-4910-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Николай Надеждин

«Маленькие рассказы о большом успехе»

Федор Шаляпин

Бас и... всё остальное

2024

Введение

В домашней фонотеке записи Шаляпина – как редкие монеты качества «пруф» в коллекции нумизмата. Можно смотреть, можно гордиться, но трогать руками нельзя. Так же и с граммофонными записями Шаляпина – старые пластинки хрупки и нещадно заезжены. Они ценны самим своим наличием. Есть – и славно.

А когда хочется услышать этот удивительный голос, в ход идут цифровые копии старых записей. Очищенные от хрипов и шелеста, пропущенные через сложные электронные фильтры, они словно машина времени переносят нас на сотню лет назад... На сотню!

И звучит, звучит волшебный голос. И стоит лишь закрыть глаза, чтобы представить себе это лицо – красивое, благородное, мужественное.

Удивительно – имея Шаляпина, Россия потянулась к аферистам от политики. И героями провозгласила тех, кто этого был недостоин... Чего нам не хватало? Не нам сегодняшним, конечно, нашим дедам и прадедам, но... какая разница, это все равно – мы. Какая личность была нужна? Чем не угодил Шаляпин? Тем, что пел, а не потрясал кулаками и не грозился «всё взять и поделить»?

Вопросы, конечно, риторические. И ответа не требуют – что было, то было... Голос, снова – голос. Шаляпин поёт.

Помолчим...

Каким же вы были человеком, Фёдор Иванович? Почему произошло так, что мы, люди совершенно другой эпохи, любим вас, мало что зная о вашей жизни?

Кто-то верно подметил, что такой голос может быть только у очень хорошего человека. Возможно, это он и есть – секрет бесконечного шаляпинского обаяния.

1. Голос Шаляпина

Так уж случилось, что классическая музыка проиграла противостояние поп-культуре. И в наших радиоприёмниках и музыкальных центрах гораздо чаще звучат песенки-однодневки, чем классическая опера или симфония. Здесь крайне трудно что-то изменить – проблема же не в пристрастиях публики, проблема в общем уровне образования и воспитания.

Серьёзное искусство для многих – непознанный мир, терра инкогнита. Хорошо, если любопытство берёт верх, и в зрелые годы наше отношение к классике меняется. Тогда есть шанс наверстать хотя бы часть того, что упущено в молодости...

Но вот какая получается штука. Едва мы услышим характерные раскаты мужского баса (кстати, специалисты определяют его как низкий баритон или высокий бас), по тому же радио или в восстановленных старых записях, как безошибочно узнаём голос Шаляпина. Даже те, кто вообще не интересуется оперной музыкой. Кто, услышав любое классическое музыкальное произведение, переключается на другую радиостанцию. Кто не владеет даже азами музыкальной культуры и музыку воспринимает исключительно в прикладном плане – отдохнуть, потанцевать, не более того. Шаляпина знают все.

Фёдор Иванович давно уже не просто уникальный голос. Он – легендарный голос, знаковая фигура, национальная гордость. Он часть истории России, один из ярчайших бриллиантов, сияние которого простирается через десятилетия.

Голос Шаляпина – это такая же неотъемлемая составляющая российской культуры, как русский язык.

2. Универсальный талант

Именно это мгновенное и повсеместное узнавание голоса Шаляпина является убедительным свидетельством того, что он был настоящим гением. Но... что мы знаем о Шаляпине, кроме его певческого дара? А это был не просто гений оперы, это был человек из породы Леонардо (хотя при жизни его чаще сравнивали с Микеланджело, имея в виду многогранность и значительность таланта Фёдора Ивановича), в том смысле, что Шаляпин был не только великим певцом.

Он владел мастерством игры на скрипке и виолончели. Был выдающимся оперным режиссёром. Владел искусством дирижирования и мог при надобности профессионально руководить симфоническим оркестром.

А ещё Федор Иванович обладал даром живописца (писал маслом), рисовальщика-карикатуриста и скульптора.

Шаляпин был ещё и удивительно талантливым литератором. Его перу принадлежат две автобиографические книги – «Страницы моей жизни», написанная в соавторстве с Максимом Горьким, и «Маска и душа. Мои сорок лет на театрах». И множество газетных фельетонов.

Это ещё не всё. Шаляпин обладал потрясающим чувством юмора, которое реализовал и в своих газетных фельетонах, и в розыгрышах друзей. Об этих розыгрышах ходят настоящие легенды. Именно из-за них некоторые современни-

ки Фёдора Ивановича называли характер певца «сложным» и «неоднозначным».

И конечно же Шаляпин был великим драматическим артистом. Одним голосом оперу не возьмёшь...

И при этом за спиной этого интеллигентного, эрудированного в области искусства человека было всего четыре класса приходской школы.

3. Жить по-шляпински

А ещё была целая жизнь – изменчивая и не всегда счастливая судьба, диапазон которой можно назвать истинно русским, от полной нищеты и голодного существования до необыкновенного богатства и роскоши. Но всё, что Шляпин имел в конце жизни, он заработал сам. Своим голосом, своим талантом. Этот богач был великим тружеником, собственным примером показавший, на что способен трудолюбивый талант и целеустремлённая личность.

Попытайтесь вспомнить, что вы знаете о Шляпине. И в памяти обязательно всплывёт картина Кустодиева «Шляпин на ярмарке в Нижнем». Огромная фигура в роскошной шубе. Могучий человек, очень красивый и сильный.

В этом портрете Борис Кустодиев ухватил самую суть шляпинской натуры. Федор Иванович, действительно, был крупным сильным человеком. Его лицо излучало открытую улыбку – Шляпин был не только экстравертом, но ещё и необыкновенным оптимистом, способным успокоить любого паникёра одним лишь словом, одной лишь интонацией.

А ещё Шляпин был по-купечески широк душой и щедр. Любил богатые застолья, любил бывать в гостях и принимать гостей сам. Недаром список людей, которые считали себя близкими друзьями Фёдора Ивановича и которых близкими друзьями считал он сам, чрезвычайно обширен. Здесь и Сер-

гей Рахманинов, и Константин Коровин, и Максим Горький, и ещё десятки великих имён.

Жил широко, дышал полной грудью, делал всегда то, что любил и умел делать. Рахманинов сказал о Шаляпине: «Бес-предельный, феноменальный талант во всем, за что ни берется». И добавить здесь уже нечего.

4. Гурман и сибарит

Умение жить – красиво, широко, ярко – такое дано далеко не всем. Речь не о каком-то чрезмерном пьянстве или обжорстве. Речь об умении превратить будни в праздник.

Фёдор Иванович умел и любил хорошо поесть. О его аппетите ходили легенды. Говорили, к примеру, что, проголодавшись после спектакля, он мог умять за один присест две жаренные индейки, запив их двумя бутылками шампанского. При этом он оставался подвижным, бодрым и очень редко хмелел.

Шаляпин высоко ценил кулинарное искусство и, бывая в разных странах, заказывал любимые блюда национальной кухни. В Италии он наслаждался пастой и соусами. Во Франции сырами и тончайшими паштетами. В Германии мог съесть огромный кусок зажаренного мяса. При этом сам вид пирующего Шаляпина вызывал у его спутников зверский аппетит. Он заражал окружающих своей жадой жизни, энергией, оптимизмом. Все, кто с ним общался, сами личности яркие, одарённые, незаметно для себя подлаживались под Фёдора Ивановича и даже начинали ему подражать.

Человек совсем простого происхождения, воспитавший себя сам, Шаляпин в зрелые годы слыл не только гурманом, но и знатоком вин. В вошедших в автобиографическую книгу записях Шаляпин с обидой говорит о двух сотнях буты-

лок французского вина, конфискованных у него большевиками. Правда, только вином не обошлось, Шаляпин потерял и дачу в Крыму, был «уплотнён» в своем московском доме на Новинском бульваре и лишён накоплений. А во Франции, в эмиграции, Фёдор Иванович собрал роскошную коллекцию вин, которая вызывала неподдельное уважение у специалистов.

5. Щедрая душа

Так что же – барин? Барин! Но происхождения крестьянского, с нищим и голодным прошлым. Барин, заработавший свои десятки и сотни тысяч собственным трудом. Не спекулянт, не эксплуататор – трудяга...

Шаляпин стал одной из первых в России жертвой бульварной прессы. В годы Первой мировой войны газеты расписывали прижимистость Фёдора Ивановича, приписывая ему такую малосимпатичную черту, как жадность.

От этих обывательских мифов не уберёгся даже Бунин, который написал про Шаляпина: «Деньги он любил, почти никогда не пел с благотворительными целями, любил говорить: – Бесплатно только птички поют».

Как же ошибался Иван Алексеевич! Шаляпин был очень щедрым человеком. И на беду человеческую откликался живо и вполне конкретными действиями. До войны он часто давал благотворительные концерты в Киеве, Петрограде, Харькове. Выступал перед огромной рабочей аудиторией. А после начала войны на собственные деньги открыл два госпиталя для раненых солдат. Он много сделал добрых дел за свою жизнь. Да только избегал огласки – хвастливая благотворительность уже не благотворительность, а аморальная рекламная акция.

Адвокат Волькенштейн, который в течение многих лет

был помощником Шаляпина в экономических делах, вспоминал: «Если б только знали, сколько через мои руки прошло денег Шаляпина для помощи тем, кто в этом нуждался...».

Русский, очень русский характер. Необыкновенный талант. Широкая душа. И всё это – Фёдор Шаляпин.

6. Начало пути

У нас в России очень часто всё происходит не благодаря, а вопреки. Не должен был, даже не мог в нищей крестьянской семье пьющего писаря и прачки родиться гений. Но – родился. Не должен был полуграмотный мальчик, научившийся лишь читать и писать, стать одной из ярчайших фигур русской оперы, гордостью российской культуры. Но – стал. И это тоже своего рода феномен – из грязи в князи, но собственным талантом и трудом...

13 февраля 1873 года (1 февраля по старому стилю) в Казани, в семье Ивана Яковлевича Шаляпина, уроженца деревни Сырцово Вятской губернии, представителя древнего крестьянского рода Шелепиных (фамилия претерпела изменения в течение веков) и Евдокии Михайловны (девичья фамилия Прозорова) из деревни Дудинская той же Вятской губернии, родился первый ребёнок, которого назвали Фёдором. Незадолго до этого семейство перебралось на окраины Казани в Суконную слободу, поближе к городу, поскольку в деревне жилось голодно и бесприютно.

Однако и в городе Шаляпиным особых успехов добиться не удалось. Иван Яковлевич устроился в уездную земскую управу архивариусом, получал жалкие гроши, которые сам же и пропивал. Семью тянула Евдокия Михайловна (дома её звали Авдотьей), которая нанималась на подённую ра-

боту – стирала, мыла полы. Жило семейство в полуразвалившемся деревянном домике, напоминавшем, скорее, старый сарай.

Безрадостное детство – до появления младшего брата Василия Федя был предоставлен сам себе. И тянулся, тянулся к матушке, которая в трудах своих всё же находила время спеть с сыном простую крестьянскую песню. Так вскоре и поняла, что мальчик обладает удивительным музыкальным слухом.

7. Приходская школа

Трудовая жизнь Фёдора началась рано. Едва малыш чуть подрос, как отец пристроил его «в ученье» к соседу сапожнику. Но у того хватало и своих ртов, пришлось устраивать мальчишку к каретнику. Потом к скорняку, токарю, переплётчику, переписчику. К 12 годам Федя перебывал едва ли ни у всех соседей.

А ещё его отдали в приходскую начальную школу, другая родителям Шаляпина была не по карману. Здесь же, в церковной школе, денег за ученье не брали. Да и учили лишь самому элементарному – грамоте, счёту, да Закону Божию.

Федя учился неважно. По его собственному признанию, школу он закончил кое-как. И ученье своё продолжать не стал. Не было ни денег, ни особого желания.

Удивительное дело, Федор Иванович, не получивший, по сути, систематического образования, был интеллигентным и эрудированным человеком. Он, возможно, не особенно разбирался в каких-то вещах (например, был бесконечно далёк от политики), но знал историю (иначе чем объяснить столь глубокое проникновение в образ того же Годунова и других персонажей исполняемых Шаляпиным ролей в классических операх), обладал блистательными литературными способностями. Школа, конечно, оставила след в его судьбе – Шаляпин был религиозен, правда, без фанатизма.

Но... это едва ли ни единственный след. В остальном Федор Иванович в полном смысле сделал себя сам. Его университетами стала сама жизнь.

8. Первые уроки музыки

В 1885 году Федя закончил приходскую школу. И отец Иван Яковлевич определил сына в ту же земскую управу, где работал сам. Поскольку мальчик умел читать и писать, ему доверили канцелярские дела – юный Шаляпин стал писарем. Работа нетрудная, но тоскливая. Пыльные бумаги, казённые тексты. Мальчишка заскучал.

Он давно хотел попробовать себя в пении. Фёдор частенько ходил с матушкой в церковь и заслушивался церковным хором. Регентом хора был их сосед, человек не улыбочивый и даже неприветливый. И однажды Федя решился – постучался в дверь соседского дома. И с порога, ужасно робея, спросил может ли он стать певчим. Сосед угрюмо посмотрел на 12-летнего мальчика. Сорвал со стены скрипку и буркнул: – Тяни за смычком.

Зазвучала тягучая мелодия. Фёдор запел...

Потом наступила тишина. Регент отвернулся, отложил скрипку в сторону. Федя повторил свой вопрос. И сосед с некоторым раздражением ответил:

– Да, да, можешь... Если будешь трудиться.

И Фёдор стал хористом, одним из многих, но далеко не рядовым, не серой мышкой среди себе подобных. У него был чудесный детский дискант, звонкий, волнующий. И пел он с такой страстью, с таким чувством, что трогал за сердце са-

мых угрюмых прихожан.

А тот регент стал первым учителем музыки Шаляпина. Он научил Федю нотной грамоте и игре на скрипке. Благодаря этому человеку, юный Шаляпин потянулся к музыке и музыкальному театру.

9. Архиерейский хор

Работы у певчего слободской церкви всегда было много. Свадьбы, похороны, всенощные, молебны. Репертуар, конечно, исключительно религиозный. Но именно эти распевные, тягучие мелодии стали для Шаляпина школой настоящей русской музыки.

Став всемирно знаменитым певцом, Шаляпин не отказывал себе в удовольствии спеть в церквях. Однажды, в Тифлисе (он любил этот город, называя его своей «музыкальной родиной»), рано утром, Шаляпин стоял у распахнутого окна и слушал церковное пение, доносившееся из храма через дорогу. Неожиданно для самого себя Фёдор Иванович подхватил мелодию, которую вытягивал диакон. И диаконский тенор слился с могучим басом Шаляпина. Прохожие стали оглядываться, отыскивая глазами источник дивного звука. А прихожане даже вышли из церкви, чтобы лучше расслышать Шаляпина. И Фёдор Иванович всё пел и пел, вспоминая своё несчастное детство и церковный хор, в котором постигал азы вокала...

А потом талантливого певчего заметили. И пригласили в архиерейский хор казанского Спасского монастыря. И это для Шаляпина была настоящая удача, поскольку требования в архиерейском хоре были повыше, а с юными хористами музыкой занимался специально приставленный служитель.

В этом хоре Шаляпин пел несколько лет — до того момента, когда его отроческий дискант ни стал ломаться. В период ломки пение, без которого Федя уже не мыслил собственной жизни, пришлось оставить. Но заслуги юного хориста не остались неотмеченными, Шаляпина устроили писцом в консисторию — в архиерейское управление епархией. Здесь он и проработал около года, до тех пор, пока его голос полностью ни восстановился.

10. Рождение голоса

Фёдор терпеть не мог канцелярскую работу. Но всё же занимался ею ради пропитания. Возможно, этот нудный и скучный труд воспитал в нём усидчивость и терпение, которые пригодились Шаляпину позже. В зрелые годы он с удовольствием брался за литературную работу, которая тоже требует определённого терпения.

Но всё же писарем в консистории он пробыл недолго – отправился в казанский театр с просьбой принять его в хор. Это случилось в начале 1888 года. Шаляпину устроили прослушивание, которое он... провалил. Дело было именно в голосе – Фёдор давал петуха, хрипел, почти кричал. И ему отказали, приняв на вакантное место какого-то долговязого приезжего паренька девятнадцати лет от роду с чудовищным окаяющим выговором.

Спустя годы в Нижнем Шаляпин познакомился и сдружился с Горьким. И рассказал ему эту историю. В ответ Алексей Максимович расхохотался.

– Феденька! – воскликнул Горький. – Так это же была! Правда, меня скоро из хора выгнали – голоса-то у меня не было никакого.

Конечно, Шаляпин поторопился. Прошло совсем немного времени, и его детский дискант, перевалив «петушиный» период ломки, превратился в чудесный низкий баритон. Прав-

да, Федя сам ещё не знал возможностей своего голоса. Он даже не подозревал, что обладает уникальной способностью петь сразу и баритоновые, и басовые партии.

Всему своё время. Скоро он это узнает.

11. Статист

В 1889 году молодой Шаляпин всё же устроился в театр. Он пришёл в драматическую антрепризную труппу Серебрякова, выступавшую в казанском театре, и был принят статистом. Очень стеснительный, очень старательный юноша сразу понравился и режиссёру, и артистам. Фёдор брался за любую работу и старался быть незаметным. И никто даже заподозрить не мог, о чём этот стремительно мужающий мальчик мечтает – об успехе, о карьере драматического и оперного артиста, о славе...

Серебрякову юноша так понравился, что он сразу назначил его на должность старшего группы статистов. И вот – первое в жизни выступление на сцене. Шаляпину была поручена роль без слов – кардинала, который в сопровождении свиты должен был величаво пройти через всю сцену.

Федя объяснил младшим статистам их обязанности, наказав, чтобы те строго следовали за ним и повторяли его действия. Дождались своего эпизода. И по команде режиссёра «кардинал» Шаляпин ступил на сцену.

И... запнулся, запутавшись в длинной мантии, и, к своему ужасу, рухнул на пол. Попытался подняться, но запутался ещё больше. И не нашёл ничего лучшего, как поползти по сцене на четвереньках. А его «свита», полагая, что ей следует следовать примеру старшего статиста, тоже встала

на четвереньки и... поползла следом.

Публика хохотала в голос. Спектакль был безнадёжно испорчен. За кулисами взбешённый режиссёр схватил Фёдора в охапку и дал такого пинка, что тот кубарем скатился с лестницы.

12. Первая сцена

Эта байка про конфуз Шаляпина, возможно, была придумана им самим. Фёдор Иванович любил пошутить и чаще всего объектом иронии выбирал самого себя. Такова уж была натура этого человека – он всегда немножко стеснялся своей славы...

Как бы там ни было, но руководство театра не могли не обратить внимание на голос старшего статиста. И наступил момент, когда Фёдор был переведён из безмолвных статистов в хор.

Его первое вокальное выступление на сцене – хоровая партия в спектакле «Певец из Палермо». Молодой бас-баритон, голос выдающийся, яркий и... совершенно ещё не профессиональный.

Проглатывающий огромное количество книг (Шаляпин всю жизнь читал запоем, причём, самую разную литературу – от специальной, до беллетристики – что можно расценить, как постоянное стремление к самообразованию), старавшийся копировать более опытных коллег по сцене, подражать хорошо поставленным голосам, Фёдор учился всему сам. До поры у него не было хорошего учителя, достойного шаляпинского дара. Но только до поры.

Серебряков, в репертуаре труппы которого были, в основном, комические оперы и оперетты (то есть это был не толь-

ко драматический, но и музыкальный театр), остро нуждался в хороших солистах. И Фёдор вскоре получил повышение – ему была поручена роль Зарецкого в опере «Евгений Онегин». Правда, это было «выездное» выступление – спектакль был поставлен Казанским обществом любителей сценического искусства и прошёл на малой сцене при небольшом количестве зрителей. Серебряков «одолжил» перспективного хориста. Но всё же это была премьера.

13. Семёнов-Самарский

До июня 1890 года молодой Шаляпин снова выступал в хоре серебряковской труппы, исполняя хоровые партии в опереттах. Сольных партий ему не доверяли – может, и не напрасно, поскольку школы у Шаляпина ещё не было. Он всё брал природным чутьём. Даже партии разучивал больше на слух, чем по партитурам.

А потом в жизни Фёдора появился первый антрепренёр – Семён Яковлевич Семёнов-Самарский. Это псевдоним, настоящая фамилия – Розенберг. Предприимчивый и безусловно талантливый человек держал в Уфе антрепризу «Русская комическая опера и оперетта». Более того, он прекрасно пел сам. Шаляпин рассказывал: «Я знал Семёнова-Самарского как артиста и почти обожал его. Это был интересный мужчина с нафабрёнными усами... На сцене он держался как рыба в воде и чрезвычайно выразительно пел баритоном в „Нищем студенте“... Барыни таяли перед ним, яко воск пред лицом огня...».

В Казань труппа Семёнова-Самарского приехала с гастроллями. Давали оперетту. Фёдор, старавшийся не пропускать ни одного театрального и музыкального события провинциальной Казани, отправился на спектакль и... был совершенно очарован. Напросился на встречу с Семёном Яковлевичем, попросился в труппу. И... был принят!

В начале сентября 1890 года Шаляпин закончил работу в хоре серебряковской труппы, распрощался с друзьями по сцене и вместе с новыми коллегами отправился в Уфу. Театр Семёнова-Самарского закончил гастроли и вернулся в свой город.

14. В Уфе

Это приглашение в Уфу (которое на деле было вовсе не приглашением – всё-таки Фёдор сам напросился в труппу Семёнова-Самарского) стало для молодого начинающего певца поистине судьбоносным. Дело в том, что он был ещё очень не уверен в своём выборе профессии. Получая три рубля жалования в качестве статиста, Шаляпин не мог себе позволить даже приличной одежды. У Фёдора в то время не было нижнего белья, брюки он носил на голое тело. И артисты, к которым он тянулся, были очень небогаты. Провинциальный театр – не то место, где люди добиваются славы и успеха.

Он снова стал хористом – одним из многих, выступавших в труппе Семёнова-Самарского. Правда, положение Фёдора несколько улучшилось. Семён Яковлевич постоянно прислушивался к голосу Шаляпина. Возможно, он был первым антрепренёром, который по достоинству оценил вокальные данные и талант Фёдора Ивановича. И то, что произошло спустя несколько месяцев после переезда Шаляпина в Уфу, было вовсе не делом случая.

У каждого большого артиста в жизни есть тот счастливый момент, который переворачивает всю жизнь. У Шаляпина таких моментов несколько. Первый – совершенно неожиданное предложение Семёнова-Самарского заменить отка-

завшегося от роли исполнителя и спеть партию Стольника в опере «Галька». И Шаляпин этого момента не упустил, отнёсся к нему, как к главному шансу, как к возможности показать всё, на что он был способен в то время.

15. Молодой солист

Первая настоящая премьера, на большой сцене, перед полным залом состоялась 18 декабря 1890 года в Уфе.

Слово самому Шаляпину. Вот как он описывал это событие в своих мемуарах.

«По-видимому, и в скромном амплуа хориста я успел выказать мою природную музыкальность и недурные голосовые средства. Когда однажды один из баритонов труппы внезапно, накануне спектакля, почему-то отказался от роли Стольника в опере Монюшко «Галька», а заменить его в труппе было нечем, то антрепренер Семенов-Самарский обратился ко мне – не соглашусь ли я спеть эту партию. Несмотря на мою крайнюю застенчивость, я согласился. Это было слишком соблазнительно: первая в жизни серьезная роль. Я быстро разучил партию и выступил.

Несмотря на печальный инцидент в этом спектакле (я сел на сцене мимо стула), Семенов-Самарский все же был расстроган и моим пением, и добросовестным желанием изобразить нечто похожее на польского магната. Он прибавил мне к жалованью пять рублей и стал также поручать мне другие роли. Я до сих пор суеверно думаю: хороший признак новичку в первом спектакле на сцене при публике сесть мимо стула. Всю последующую карьеру я, однако, зорко следил за креслом и опасался не только сесть мимо, но и садиться

в кресло другого...

В этот первый мой сезон я спел еще Фернандо в «Трубадуре» и Неизвестного в «Аскольдовой могиле». Успех окончательно укрепил мое решение посвятить себя театру».

16. Гастроли

Весной 1891 года Семёнов-Самарский объявил о роспуске труппы. Он поступал так в конце каждого сезона. Это был хитрый ход, позволявший безболезненно избавить труппу от ненужного балласта, не оскорбляя при этом людей изгнанием из театра. Однако, Фёдор воспринял это известие как катастрофу. Он полагал, что антрепренёр желает избавиться именно от него. И когда Семён Яковлевич отыскал Шаляпина и спросил, почему тот не приходит, чтобы подписать контракт на следующий год, то был неприятно удивлён тем, что Фёдор уже работает в другой труппе. И это было на самом деле удивительно, поскольку Семёнов-Самарский предлагал стабильный гонорар. А новая труппа – бродячий театр украинского антрепренёра Дергача – ничего, кроме смутных обещаний, предложить не могла.

И всё же Шаляпин отправился по России с труппой Дергача. И началась новая жизнь – с бесконечными переездами, крошечными сценами в дощатых театрах российской глубинки, с выступлениями на малых и больших площадках. Шаляпину приходилось работать в хоре и солировать, помогать рабочим сцены собирать декорации и рисовать их самому. Тут-то и пригодились способности Фёдора к рисованию, которые до этой поры он не мог применить.

Он снова учился всему сам. И окончательно влюбился

в актёрскую профессию... Малые города Урала и Поволжья, Туркестан, потом Баку. Именно в Баку годовичные гастроли Шаляпина с труппой Дергача и закончились.

17. Тифлис

В Баку, после очередного спектакля, к Шаляпину подошёл некий француз по имени Лассаль. Представившись антрепренёром, он предложил роскошные условия – едва ли ни сотню рублей жалованья и сольёные партии в оперных постановках. Рассказал о труппе, в которую уже набрал таких же молодых талантливых певцов.

Шаляпин был заинтригован и размышлял ровно десять минут. Что он терял? Тогда ему казалось, что ничего. И он объявил Дергачу о своём уходе из труппы.

– Лассаль? – скептически улыбнулся тот. – Ну-ну... смотрите, не ошибитесь, дорогой Феденька...

И словно в воду глядел! Лассаль оказался если ни жуликом, то мечтателем и авантюристом. Поставив несколько спектаклей в Баку, он... разорился. Оказалось, что его труппа – сборище совершенно сырых, необученных голосов. А избалованную бакинскую публику на мякине не проведёшь. На первый спектакль пошла, на третьем в зале уже было пугающе пусто.

В начале сентября 1892 года Фёдор оказался в ужасном положении. В кармане три рубля мелочью. Жилья нет. Заработка нет. Один в чужом городе. Труппа Дергача уехала по слухам в Тифлис. Что делать?

И он отправился в путь – в Тифлис, надеясь уговорить

Дергача принять его обратно. Другого выхода он не видел.

Где на конной повозке, где пешком, Фёдор перебирался от городка к городку. Спустя месяц, он стоял на окраине Тифлиса – совершенно измотанный, ужасно голодный. Денег у него не было ни копейки. А побираться Фёдор стеснялся.

18. На грани отчаяния

Четыре дня он слонялся по южному, щедрому, прекрасному городу. Четыре ночи проводил в тёмных подъездах, забившись под лестницу. Его преследовали ароматы шашлыков и свежего хлеба. Он ужасно хотел есть.

Фёдор был в полном отчаянии. Человек гордый, молодой, талантливый, в своём ничтожном положении он ощущал себя абсолютно бессильным. Какой логики можно ждать от голодного человека, у которого пятые сутки во рту не было ни крошки? Шаляпин подошёл к оружейной лавке. Посмотрел на выставленные в витрине пистолеты. Решение созрело мгновенно. Он войдёт в лавку и попросит пистолет – якобы купить. И когда продавец на что-нибудь отвлечётся. Фёдор убьёт себя.

Он уже взялся за дверную ручку и тут за спиной услышал:
– Федя, ты?!

Обернулся. Перед ним стоял старый приятель, коллега по бакинской сцене итальянский актёр Понти, живший в России и колесивший с антрепризными труппами по провинции.

– Ты ужасно выглядишь, – сказал Понти. – Что случилось, друже?

И Шаляпин не выдержал, прослезился и рассказал итальянцу о своей беде. А в ответ услышал:

– Ну что за ерунда, Феденька! Немедленно идём ко мне. Найдётся и угол, и что поесть. Поживи, пока не устроишься...

Шаляпину очень везло на хороших людей. Дурные тоже встречались, но всё же бог миловал – ему многие помогали. И многим потом он помогал сам. Подарок от дарком ценен. Неизвестно, оплатил ли Фёдор Иванович своему спасителю Понти той же монетой (может, и нет, если Понти не бывал в такой же ситуации). Но другим, угодившим в непростые обстоятельства, Шаляпин помогал часто. Голодных кормил, нищим подавал, а за талантливых хлопотал.

19. Конторский служащий

Заработок нашёлся – Шаляпин стал петь в городских садах Тифлиса и в небольших открытых рестораниках. Голос его, как молодое вино, набирал силу. И это был уже не простоватый низкий баритон, а мощный, богатый интонациями бас. Голос колоритный, очень глубокий и лёгкий – Шаляпин легко брал самые низкие ноты, практически, не напрягаясь.

После одного из выступлений в ресторане за столик, за которым Шаляпин проедал свой гонорар (ему приходилось соглашаться петь и за еду), подсел человек – как оказалось, служащий Управления железной дороги. Познакомились, разговорились. Человек с разрешения Фёдора подозвал коллег, которые отмечали в ресторане какое-то своё событие. Шаляпин не стал ломаться и спел для новых приятелей. А те в благодарность пригласили его зайти в Управление, пообещав подыскать ему место, которое могло бы поправить полубедственное положение певца.

И нашли же! Через пару дней Фёдор получил место пи-саря в канцелярии Управления Закавказской железной дороги. И проработал здесь несколько месяцев, подкормившись и приодевшись. Больших денег, конечно, не заработал. Но мог спокойно искать хорошее место в театрах Тифлиса. И не оставлял пения в городских садах – больше для вокальной практики, чем ради пропитания.

А вскоре его посетила первая большая любовь. Несчастливая, закончившаяся ничем, но... всё же.

20. Маша Шульц

Его возлюбленной стала Маша Шульц, хористка тифлисского театра. Очарованная богатым голосом Фёдора, Маша нашла в Шаляпине не только интересного молодого человека, в которого тут же влюбилась, но и родственную душу.

Однако, их отношения длились недолго. Бедой Маши было пристрастие к вину. Она любила выпить, но не могла совладать с собой. Она приходила на свидание под хмельком, и это не могло радовать Фёдора. Он и сам мог крепко выпить, но напиться... Маша могла. И напивалась.

Однажды Фёдор её потерял. Рыскал по городу, обходя самые злачные места. И обнаружил девушку перед духаном. Полуобнажённая, совершенно пьяная, она танцевала перед завсегдатаями заведения лезгинку. Шаляпин, который безуспешно пытался вытащить Машу из тёмного алкогольного дурмана, был взбешён. Схватив Машу, он завернул её свой плащ, подхватил на руки и отнёс домой.

На следующее утро он устроил девушке выговор. Однако, вскоре она снова напилась... И наступило неизбежное охлаждение. Вскоре они расстались...

Немного встав на ноги и скопив денег, Шаляпин написал Семёнову-Самарскому, спрашивая того – не поможет ли он устроиться в какой-нибудь театр. Семён Яковлевич обиды не таил (а Шаляпин его ничем и не обидел) и тут же отве-

тил – да, конечно, приезжай. Есть возможность устроить тебя в Казанскую оперу на вторые роли. Оклад – в сто рублей, что Шаляпину показалось несметным богатством.

И Фёдор стал собираться в дорогу.

21. Усатов

Повсюду, куда ни забрасывала Шаляпина судьба, у него моментально появлялось множество друзей. Он не умел, не мог жить в одиночестве. Фёдор Иванович, буквально, бурлил энергией и заражал своей жизнерадостностью окружающих. В Тифлисе у него было много друзей, с которыми он не порывал связей до конца жизни – писал даже из эмиграции, хотя, ответы получал редко, из за «железного занавеса» письма почти не доходили.

Друзья и посоветовали Шаляпину, который часто жаловался на отсутствие хорошей музыкальной школы, познакомиться с известным тифлисским педагогом, бывшим артистом Императорских театров, преподавателем вокала Дмитрием Андреевичем Усатовым.

Слово самому Шаляпину.

«В день отъезда из Тифлиса я решил: пойду к Усатову, чем я рискую? Меня встретил человек низкого роста, круглый, с закрученными усами опереточного разбойника. «Вам что угодно?» Я объяснил.

– Ну, что? Давайте покричим, – не очень ласково сказал педагог.

Он пригласил меня в зал, сел за рояль и заставил спеть несколько арпеджио. Голос мой звучал хорошо.

– Так... А не поете ли вы что-нибудь оперное?

Вообразая, что у меня баритон, я предложил спеть арию Валентина. Запел. Но когда, взяв высокую ноту, я стал держать фермато, профессор, перестав играть, больно ткнул меня пальцем в бок. Я оборвал ноту. Наступило молчание. Усатов смотрел на клавиши, я – на него. И думал: все это очень плохо. Пауза была мучительна. Наконец, не стерпев, я спросил: «Что же? Можно мне учиться петь?» Усатов взглянул на меня, твердо ответил: «Должно! Оставайтесь здесь, учитесь у меня. Денег я с вас не возьму».

22. Учитель

Дмитрий Андреевич Усатов моментально распознал в 19-летнем певце грандиозный, прямо-таки титанический талант. Человеком он был сдержанным и очень скупым на похвалы. Собственно, Шаляпин ни разу не услышал от него в свой адрес каких-либо восторгов. А вот тычков и даже затрещин перенёс множество.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.